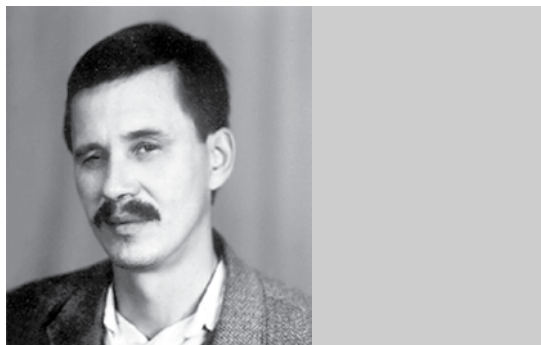

Николай Бурашников

Бурашников Николай Павлович (28.10.1952 – 20.09.1999) родился в поселке Савино (ныне поселок Засечный) Чайковского района Пермской области. Окончил профессионально-техническое училище, работал плотником и лесорубом, затем прессовщиком на «Камкабеле», корреспондентом заводского радио, дворником, кочегаром. Первые стихи опубликовал в 1973 г. Автор двух прижизненных книг стихов, выпущенных в 80-е годы: «Дерево и тень» (1988), «Во все стороны русского поля» (1990). Третья, посмертная, «Настин холм» (2002) названа в честь дочери. Незадолго до гибели поэт снялся в документальном фильме «Святой N», где сыграл самого себя. Участник АСУП-2. Жил в Перми. В пору ельцинских реформ продал квартиру в Перми, купил дом рядом с Белогорским монастырём в селе Калинино. Трагически погиб. Чайковской районной межпоселенческой библиотеке недавно присвоено имя Н.П. Бурашникова.

Филологическая маркировка стихов Н.Б.

Традиции, направления, течения: классическая поэзия, романтизм, реализм, «новокрестьянская поэзия», «тихая лирика», почвенничество.

Основные имена влияния, переклички: М. Лермонтов, Н. Некрасов, Ф. Тютчев, С. Есенин, Н. Рубцов, Н. Тряпкин.

Основные формальные приемы, используемые автором: прямое лирическое высказывание (авторское «я» в форме лирического героя), классическая просодия, метафора, олицетворение, фольклорная стилизация.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: дорога, снег, дождь, дом, окно, мать, отец, тоска (беда, боль, потеря), смерть, провал (яма, дыра, могила, тьма, погружение, алкоголь), народ (мужики, старухи, пацаны, бабы, ребяташки, село), птица, совесть, вечность, свет, крест.

Творческая стратегия: искреннее стремление выболеть душой тоску от распада жизненной гар-

монии, прочувствовать и избыть тьму до ее предельной глубины, преодолеть тьму светом вечности, интенция воскрешения через смерть.

Коэффициент присутствия: 0,33

Дмитрий Ризов: «Погиб поэт» (некролог, опубликованный в пермской газете «Звезда»)

В Перми зверски убили члена Союза писателей России Николая Бурашникова.

Ему было 47 лет... Это был трудный в быту, но очень талантливый человек, крестьянского происхождения, пропитанный тем почвенным духом, который у нас принято называть еще народным. В его творчестве проговаривается миропредставление, выраженное в таких темах, эмоциях, такими языковыми средствами, основанное на таком опыте личной жизни, что нигде, кроме России, возникнуть оно не могло. По этой причине Николай Бурашников – русский национальный поэт, – не в том смысле, что у нации он на устах и в памяти, а ею он порожден на свет...

Он порожден русской нацией так же, как Николай Тряпкин, Николай Рубцов... иные, даже очень хорошие поэты, – просто другие. Это несколько не снижает их значения, но они интернациональнее, что ли, могли бы появиться и в иной национальной среде. Николай Бурашников, кроме как в русской, нигде бы не появился, тем более не смог бы существовать.

В послесловии к последней своей книге, вышедшей в Перми в 1990 году, он сам сказал об этом так: «Места на родине Божьи: холмы, поля с перелесками и обширные леса... с вырубками, где сам черт ногу сломит. Мужики у нас говорят: «С каждым годом жить все трудней и трудней: водку не пей, в лес не ходи, на речку не ходи. А все из-за хапуг...» Выстрадавшие слова. Накипело. Я вырос среди этих мужиков, знаю, как хлебушек достается, когда работа не в радость, а – всю душу выматывает. Мы и косили с разрешения сверху, и плотничали, и лес рубили на «давай-давай»... Но нет-нет, да умудряются еще мужики и шапку об пол и песню спеть...»

Больше ему так и не удалось выпустить книжку, хотя рукопись новых стихотворений, непрерывно разбухая, всегда у него была наготове. Пермь за это время издала россыпи графоманских опусов, но власть города и области так и не удосужилась снизить до творчества Николая Бурашникова, редкостным отсутствием художественного чутья наградила таких начальников природа... Николай пытался сам найти необходимые суммы, наткнулся на предпринимателя, обещавшего подарить ему на «святое дело» выручку от проданной автомашины куриных тушек. При условии, что Бу-

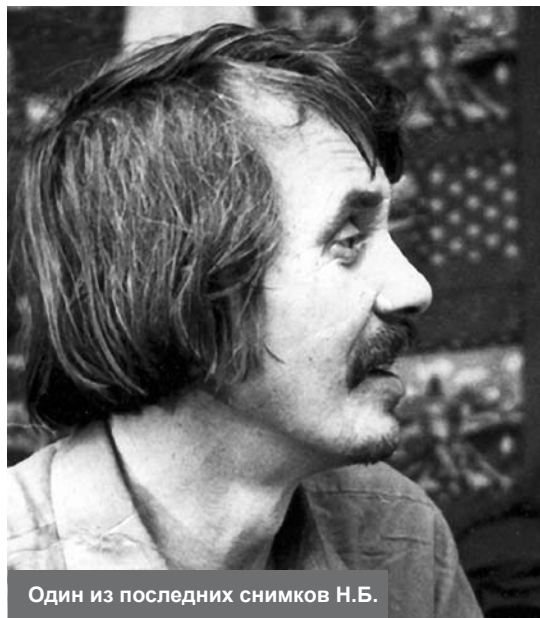
рашников сумеет их продать... в июльскую жару. От затеи пришлось отказаться.

Последним созидательным делом Николая Бурашникова, совершенным на этой земле, было – хлеб испечь. Он сам пек хлеб в русской печи, живя в последнее время в одиночестве, не имея подчас денег на магазинную буханку. На столе в его избе в селе Калинино, что рядом с Белогорским монастырем, остался непечатый каравай. Он выставил его на стол, достав из теплого зева печи, и уехал в Пермь – навстречу своей смерти. Сиротами остались три его дочери, вдовую мать их – Татьяна...

В. КАЛЬПИДИ о Н.Б.

С Н.Б. я познакомился году эдак в 1986. Мы с моим другом В. Дрожащих стали посещать литературное объединение при пермском Союзе писателей, где среди прочих был и Николай. Честно говоря, я сразу перестал считать его «валенком», каким он казался на первый взгляд. Правый глаз у него был немного «кривоват» и поэтому Коля оказался обладателем «ленинского прищуря», который почти всегда выдавал его намерения, когда он пытался схитрить. А своей «крестьянской» хитростью (которая к крестьянству отношения, разумеется, не имела) он нередко пользовался, пытаясь сыграть под дурачка. Он очень любил согласие в компании. Очень. Не терпел ссор среди своих. К слову, всех поэтов он считал «своими». Он много чего рассказывал про свою семью, ту, где он был ребенком, а не свою, где он был отцом и мужем (о ней он упорно молчал). Но рассказывал так, как будто воспроизводил по памяти какой-то очерк про жизнь писателя-самородка, и даже слова у него становились «этнографически окрашенными». Мне эти рассказы ничего

не прибавляли к его образу, наверное, поэтому на дно памяти-то они легли, а теперь ну никак не всплывают на поверхность. Мы одно время приятельствовали: Н.Б. приезжал из Закамска ко мне на съемную квартиру, оставался ночевать. Мы болтали, играли в карты (в карты он жульничал, чем ввергал меня в дикое удивление этому обстоятельству), ну и главное – выпивали. Выпивали до такой ниф-нифовой степени, что утром хотелось кое-что вырезать «монтажными ножницами» из «киноплёнки» предыдущего вечера. О чем мы говорили? Да обо всём, что попадало под язык. После второго стакана портвейна особо не сортируешь темы – они плывут, как льдины, и ты скачешь по ним на манер зайца – выпивали, пока не провалишься куда-нибудь насовсем (читай – до утра). Если спросить меня, что я запомнил конкретно, то, пожалуй, ничего, кроме того, что у Н.Б. было слово-паразит. И это слово было – «Господи». Мало сказать, что имя это Н.Б. употреблял всеу, он им заваливал каждую фразу своей речи до «непроходимого бурелома». Особенно это было невыносимо, когда Н.Б. волновался. Тогда его речь принимала вид какой-то просьбы, обращенной к Господу, инкрустированной междометиями и неопределимыми по смыслу словами. Н.Б. был добрым, хорошим, честным человеком. Но алкоголь делал свое дело. Будучи цельной личностью с крепким барьером подсознания, он долго сопротивлялся зеленому змию, в отличие от рефлекслирующих интеллигентов. Однажды Н.Б. мне сказал в момент, предшествующий обоюдному «вырубону», что он по пьянке тиранит свою семью и, наверное, скоро потеряет ее. Я посмотрел на него, и мы налили еще по одной. Потом мы перестали быть интересными друг другу. Хотя моя тогдашняя жена, Наталья Шолохова, долго вспоминала Н.Б. хорошими (без кавычек) словами, а глаз у нее на предмет «человеческого качества» был острый. Если бы не алкоголь, судьба Н.Б. была бы иной. Звезд с неба он не хватал, но и синиц из рук не выпускал. Он бы обязательно вырастил их до размера журавлей, но не вышло... Когда я узнал о его трагической гибели, то даже не удивился: какая-то неумолимая свирепствующая логика угадывалась в этом. В последнюю нашу встречу (лет за 10 до того, как его насмерть записали пермские гошники) он достал меня тем, что без конца исполнял, как он утверждал, народную песню «Вот и замерло всё до рассвета»... Пел он ее плохо, фальшивил. Но каждый раз принимался заново штурмовать высоты нот, предварительно повосхищавшись талантом русского народа. Когда же я сказал ему, что это вовсе не народная песня, то Николай пристально взглянул на меня своим «ленинским» прищуром и уверенно прошептал (именно прошептал): «Врешь ты всё...» Потом через паузу добавил: «Да и я тоже...» – и рассмеялся, да так весело, что мы тут же выпили и замерли до рассвета...

Один из последних снимков Н.Б.